

"Тайные памятники" Петербурга - Ленинграда

Дмитрий Равинский

кандидат педагогических наук, ст. научный сотрудник
Российской национальной библиотеки

В условиях, когда многие имена и события исключались из официальной памяти, складывалась практика неофициального поминовения, часто возникавшая вокруг объектов городской среды, становившихся "тайными памятниками". В статье приведены сведения о некоторых "тайных памятниках" и связанных с ними "тайных культах" Ленинграда - Петербурга. Тако-

го рода феномены выполняли важную роль в жизни города, придавая городской повседневности некое дополнительное измерение.

Ключевые слова: Ленинград, "тайные памятники", "тайные могилы", Иоанновский монастырь, Смоленское кладбище, Гангутская, 14

Память об ушедших долгое время была в нашей стране делом непростым и в значительной степени рискованным. Репрессии предполагали не просто физическое уничтожение, но и искоренение следов пребывания человека на Земле. Право на поминовение становилось привилегией, результатом специального разрешения. Разумеется, в ответ сформировались практики тайного поминовения.

В настоящей статье рассматривается одна из таких практик, связанная с семиотическим освоением городской среды. Я назвал это феноменом "тайного памятника". В тех случаях, когда нельзя открыто отдать дань памяти ушедшим, возникают своего рода символические замещения отсутствующих памятников. Для начала приведу два выразительных примера такого рода, относящихся к Москве.

В третьем томе "Архипелага Гулаг" А.И. Солженицын пишет о Кенгирском восстании заключенных в 1954 году. Сожалея, что восставшие не удостоились официального памятника, писатель отмечает, что в дни восстания, 6 июля 1954 года в Москве открыли памятник Юрию Долгорукому, и высказывает примечательную мысль: "Всякий раз, когда вы проходите в Москве мимо памятника Долгорукому, вспоминайте: его открыли в дни Кенгирского мятежа — и так он получился как бы памятник Кенгиру" (1). Мысль эта мне запомнилась и я стал интересоваться сведениями о "тайных памятниках", "как бы памятниках" по Солженицыну, способах поминовения людей и событий, выброшенных из официальной памяти. Запомнился и рассказ о том, как отметили в Москве сообщение о смерти в Париже Александра Галича: "В декабре 1977 года мы узнали о смерти Галича. Я в это время был в Москве. Не помню, на какой из станций метро есть барельефы, посвященные городам России. Расположены эти барельефы были в каком-то труднодоступном месте, едва ли не на стене напротив перрона, по ту сторону рельсов. Но на барельефе города Галича лежали цветы" (2) — добавим, что речь идет о станции московского метро "Свиблово".

Приведенные выше примеры — достаточно редкие случаи, когда в роли "тайного памятника" выступает мемориальный объект, посвященный совсем другому событию. Гораздо чаще мы встречаемся с "тайным", неофициальным почитанием непризнанного властями "святого места". В настоящей статье речь пойдет о некоторых "тайных памятниках" Ленинграда — Петербурга.

В моей коллекции почетное место занимает изданная в 1962 году в серии "Библиотека атеиста" брошюра Н.И. Юдина "Правда о петербургских "святынях"". Вышедшая во времена хрущевского "усиления антирелигиозной пропаганды", книжечка эта интересна тем, что в ней собраны сведения о бытовавших в начале шестидесятых годов городских традициях и ритуалах, связанных с почитанием религиозных святынь, не признававшихся официально. "В центре Ленинграда, неподалеку от одной из его оживленных магистралей стоит неприглядное, неуклюжее здание бывшего Иоанновского женского монастыря. В настоящее время в нем размещаются жилые

квартиры и некоторые советские учреждения.

Нередко возле этого здания можно наблюдать сценки, которые нормальному человеку покажутся странными. Время от времени некоторые из прохожих неожиданно останавливаются, опускаются на колени, истово крестятся, что — то шепчут себе под нос, затем, поднявшись и снова перекрестившись, прикладываются к стене. Выполнив этот ритуал, прохожие продолжают свой путь.

Почему же эта внешне ничем не примечательная стена давно закрытого монастыря до сих пор привлекает верующих, остается местом их паломничества? Ведь на стене нет никаких религиозных изображений!" (3). Монастырь на набережной Карповки был основан знаменитым проповедником Иоанном Кронштадтским, которого после смерти похоронили в склепе, оборудованном в подвале монастыря. История этой могилы в советское время производит впечатление: "Монастырь закрыли. Первоначально в нем поместили мелиоративный институт. Монашки рассеялись, одни пошли работать на производство, другие повыходили замуж. Но через некоторое время антисоветское отребье снова начало распространять по городу слухи о "чудесах", "исцелениях" и "знамениях" у могилы отца Иоанна. Шепотом рассказывали, что по ночам из подвала слышатся стоны, что Кронштадтский самолично являлся благочестивым людям. Паломничество возобновилось. У стен бывшего монастыря стали появляться колени-преклоненные люди. Они целовали оконные решетки, бросали в подвал записки с различными просьбами. Некоторые стали соскабливать штукатурку со стены в качестве "целебного средства" от горестей и болезней. У подвала не прекращались истерики, обмороки, завывания кликуш...

Скопление зевак, вызванное этим поклонением, мешало уличному движению и нормальной работе института. Комendant здания наглухо забил окна подвала толстыми досками. Но верующие расщепляли и растаскивали доски по доскам для "исцелений". Окна забетонировали. Но и бетон расковыряли и растащили. С утра до вечера фанатики прикладывались к стене и продолжали заваливать подвал записками. От мертвых костей ждали "чудес".

На основе многочисленных требований трудящихся органы советской власти вынесли решение о ликвидации этого очага мракобесия и рассадника заразных заболеваний. Гроб с костями царского прихвостня и черносотенца вывезли далеко за город и сожгли." (4). Тем не менее культ, сложившийся вокруг здания на Карповке (в нем долгое время располагался СОБЕС Ждановского района), продлился на десятилетия. "Давно ликвидирован монастырь, не осталось и следа от костей кронштадтского "чудотворца". А ослепленные религиозными предрассудками люди все еще чего — то ищут у его бывшей могилы. Кто — то исподтишка, втихомолку пытается вновь воскресить культ этого царского прислужника, мракобеса и реакционера." (5).

Почитание утраченной могилы Иоанна Кронштадтского — лишь один из ряда подобных "тайных культов", существовав-

ших в советском Ленинграде. В той же брошюре Н.И. Юдина говорится о культе, сложившемся вокруг храма Спаса — на — Крови на канале Грибоедова, конкретнее — около изображения распятого Христа на одной из стен церкви. Еще в первые годы Советской власти ходили слухи, что "по ночам в церкви слышны стоны убиенного царя", потом, видимо, заброшенный храм долгие годы не привлекал особого внимания. "Но в послевоенные годы у подножия "распятого Христа", изображенного на стене церкви, все чаще можно было видеть согбенные и коленапреклоненные фигуры. Возле образа появились горшочки с живыми цветами, на гвоздиках и выступах — расшитые полотенца и яркие ленты. Дошло даже до того, что в одну из пасхальных заутрень церковные "активисты", собрав группу из 10 — 15 старушек и присоединив к ним несколько проходящих женщин, устроили вокруг здания настоящий крестный ход с зажженными свечами и пением пасхальных тропарей. (...)

Верующие посетители новой "святыни" не только исто-во молятся перед образом Христа, не только становятся на колени, но и "прикладываются" к пыльным стенам бывшей церкви, наивно полагая, что это рабское поклонение принесет им радость и счастье. В последнее время по совету тех же вездесущих "активисток" мозаика образа Христа стала применяться в качестве универсального средства от всех болезней. Постепенно верующие выколупали часть ступней Христа для "исцелений" ". (6). Культ сохранился надолго — есть свидетельства о поклонении этому изображению Христа и в 1970—е годы.

Говорится в атеистической брошюре и о культе, сложившемся вокруг могилы Ксении Блаженной на Смоленском кладбище (об этом много напечатано в перестроечные и постперестроечные годы), и о другой тайной святыне на том же кладбище: "Пользуясь попустительством кладбищенской администрации, мракобесы расширили свою деятельность и открыли новую "святыню" - "могилу сорока мучеников". Собственно, никакой могилы тут нет. На пустой ровной площадке размером в 20 квадратных метров чьи — то руки заботливо взрыхлили землю и воткнули самодельный фанерный крест. Самый фанатичный верующий прошел бы равнодушно мимо. Но вблизи этого места на могильной плите сидит церковная "активистка" и плетет свою паутину.

— Было это, православные, во время борьбы с троккистами. (Она так и шамкает: "с троккистами"). Сорок священников здесь похоронены. Собрали их в церквях, прямо от службы, привезли сюда, да так, в полном облачении, и закопали живыми... До сей поры, мои милые, по ночам стоны слышны ... А в день мученической кончины их стоит над могилой столб до самого неба... Станет и сияет... Спаси вас Христос, пошли вам сякоже счастья. — И женщина убирает в карман очередной пятак или гривенник.

По "инструкции" такой объясняющей старушки, жаждущий исполнения желаний и помощи должен три раза обойти "могилу" с молитвой "Христос воскрес", и "все сбудется" "(7).

Гораздо подробнее и ярче, чем в атеистической брошюре, рассказывает о почитании "могилы сорока мучеников" Нонна Слепакова в своей автобиографической повести "Лиловые люпины". В начале пятидесятых героиня вместе со старшими посещает Смоленское кладбище. "Предстоял еще один, самый приятный кладбищенский ритуал — кормление голубей в нарочно выстроенной здесь для этого кормушке ... Кормушка, собственно, собственно, была большой, вытянутой в длину против церковного крыльца, помпезной беседкой. ... По полу, приподнятому на солидном каменном фундаменте, бродили самодовольные толстые голуби. Странно было, что для них, таких обыкновенных, обильно расплодившихся по городу с тех пор, как выяснилось, что они — символ мира, возвели некогда столь роскошную беседку. Еще страннее выглядели зачем — то нацепленные кое-где на железные шипики ре-

шетки знакомые венки — вязанки, разноцветные ленточки, одинокие парафиновые розаны... ведь кормушка, не могила!" (8). Загадку странной кормушки раскрыла старуха, вступившая в разговор с кормившей голубей девочкой: "Попитай, попитай их, деточка, может быть, это тех, убиенных, душеньки смертное место помнят, — пробормотала она что — то непонятное, достала из-за пазухи розовую ленточку и привязала к ограде. — Посчитаем-ка, сколько тут голубков. Двадцать должно быть ... нет, всего четырнадцать. Не все, наверно, слетелись.

— А почему должно быть двадцать?

— Потому что расстрелянных батюшек, детка, было ровно двадцать. Их тогда осенью, в ноябре, двадцать со всего города собрали, сюда вот привезли и в ночь расстреляли. ... Так вот и казнили их здесь, здесь же и зарыли. Да народ все равно разведало где, и потом эту часовню им народ и отгрохали. Все памятное место, почитаемое, хоть и с фальшью, что кормушка для голубей. Видишь, народ вешают здесь венки, цветочки выкладывают". (9)

Н. Слепакова прибавляет, что "спустя шестнадцать лет, когда я приведу сюда кого — то из приятелей, чтобы показать кормушку и рассказать ее историю, я с изумлением обнаружу, что "почитаемое место с фальшью, что кормушка", как некогда могила Куинджи, бесследно исчезла со всеми своими столбами, голубями, кафелем и венками" (10). Однако судя по книге Юдина, писавшейся немного раньше, чем "спустя шестнадцать лет" после 1952 года, несмотря на все усилия властей, "мракобесы" восстановили "почитаемое место", правда, уже без атрибутов часовни. Заодно и увеличилось число мучеников.

В автобиографическом романе Нонны Слепаковой есть следы и еще одного мотива, связанного с тайными "почитаемыми местами" Ленинграда. Речь идет о печальной традиции советского времени разрушать и утилизировать дореволюционные кладбища. Мотив этот возникает сначала исподволь, при описании ночной прогулки по Петроградской стороне. "Мы свернули на Ораниенбаумскую ... Сама бы я тут ни за что не пошла, тем более ночью. Я слишком много знала про эту улицу. Знала, например, какие плиты старого тротуара лежат там под новым, всего два — три года назад накатанным асфальтом". Позднее объясняется, что плиты — с разрушенного, оскверненного кладбища. "Кладбище было маленькое возле церкви забитой, что на Карповке, ну и разобрали его после революции. Многих петроградских сгоняли разбирать. ... Выковыривали плиты, на подводы грузили, а потом теми плитами несколько переулков на Петроградской вымостили, чтоб хоть какая польза с них была...". (11)

И здесь мы сталкиваемся еще с одной мрачной страницей "тайного Ленинграда" — "тайными кладбищами". Как все мы знаем, немало ленинградских зданий построены на месте кладбищ и церквей. Память об этом сохранялась и при случае "озвучивалась". Вспомним, как быстро вспомнили после обрушения козырька на станции метро "Сенная", что наземный павильон построен на месте взорванного храма. Молва о "дурном месте" окружала спортивный стадион на Малой Охте, воздвигнутый на месте блокадных захоронений. При всей уютности Московского Парка Победы, многие не могут забыть о том, что это "вторая Пискаревка". Легенду об одном малоизвестном петербургском "тайном кладбище" упоминает В.Г. Адмони в своем автобиографическом романе. В детстве он с няней ходил гулять в Таврический сад чаще всего по Парадной улице. "Но идти по Парадной было страшно. Она была не похожа на все улицы, которые я знал. Слева шли ровные, крашенные унылой краской казармы Преображенского полка, обычно совершенно безмолвные и словно пустые — солдаты, наверное, были на учениях. Справа тянулась невысокая железная решетка, за которой виднелось двухэтажное здание. Это была боль-

ница — клиника великой княгини Елены Павловны. Больница была большая, она простиралась вдоль Кирочной улицы, против Таврического сада, а несколько окон клиники глядели и на Парадную улицу. А часовенка посередине Парадной ... была не часовенка, а морг. Здесь лежали до похорон трупы тех, кто умер в больнице. И от кого — то мы узнали (хотя, наверное, это было на самом деле не так), будто под квадратными каменными плитами в овальном отступе ограды возле часовенки погребены мертвецы — умершие в клинике нищие больные, у которых не было никого, кто взял бы на себя расходы по похоронам" (12).

Понятно, что тайное поминание особенно часто связано с гибелью людей, не лояльных правящему режиму. Иногда оно приобретает форму личного, интимного ритуала. Журналист Н.И. Вержбицкий, встретивший однажды Александра Курпина на Невском проспекте белой ночью 1911 года, вспоминал: "Когда мы подошли к великолепному дворцу графа Строганова, он резко остановился и, сделав мне знак, чтобы я шел дальше, приблизился к неглубокой нише дворца, левой рукой снял шляпу, ладонью правой руки закрыл глаза и так постоля несколько секунд, низко опустив голову. Потом выпрямился, быстро догнал меня и, размахивая шляпой, зашагал рядом." Позднее Вержбицкий узнал — не от Курпина, — что возле Строгановского дворца в 1905 году был убит журналист Николай Баранский, руководивший действиями рабочей дружины. Товарищи спрятали труп в нише дворца, чтобы потом похоронить с почестями (13).

Иногда поминание становится совсем уж тайным, "зашифрованным". Писатель Михаил Кураев увидел "тайный памятник" в здании НИИ травматологии и ортопедии имени Вредена, расположенном в Александровском парке недалеко от станции метро "Горьковская". "Издравле в память о пролитой крови, в память о подвиге человеческого духа, презревшего деспотизм частной жизни, ставил народ кресты, часовни, храмы... Вот и здесь, между бывшим Кронверкским плацем и площадью Революции, тогда еще Троицкой, в 1906 году, надо думать, по недосмотру лиц, призванных сберегать душевный покой самодержавных правителей, поднялся храм, храм милосердия, госпиталь, геометрическим рисунком повторивший расположение выстроенных в два кара гвардейских и армейских офицеров, приговоренных к ссылке и каторге. Притупилось недреманное око и духовных пастырей, если с высокой стены гостиницы смотрит на нас Владимирская Богоматерь, смотрит карими глазами княгини Волконской по прихоти юного Кузьмы из Хвалынского, отринувшего тысячелетний византийский канон, предписывавший изображать заступницу за род человеческий светлоокой". (14). Признаться, не очень верится, что архитектор Р.Ф. Мельцер и художник К. Петров — Водкин замыслили почтить память казненных декабристов, однако городская архитектура неизбежно порождает разнообразие толкований и "домыслов".

Особая тема — "тайные памятники" в строгом смысле слова, т.е. скульптурные изображения лиц, не входящих в официально признанный пантеон героев. Характерный пример такого рода — настойчивые слухи, что в памятнике Н.В. Тоголо на

Малой Конюшенной улице якобы запечатлен на самом деле лидер Тамбовской ОПГ Барсуков — Кумарин.

В интернете помещен очерк Марины Черкашиной под интригующим заглавием "Пифия русской смуты. Тайна петербургского барельефа".

Цитируем: "На углу улицы Чайковского и Потемкинской стоит дом № 62 окнами на бывший Таврический сад. На всех трех его фигурных портиках белые гипсовые лики, запечатлевшие трех замечательных сестер: Зинаиду, Татьяну и Наталью Гиппиус. Ни в Париже, ни в Таллинне, ни в Новгороде нет ни одной мемориальной доски в их честь. Лишь Петербург тихо хранит о них потаенную память. ... А автор же этих скульптурных фигур — Наталья Гиппиус. Тысячи людей проходят мимо барельефов, даже не подозревая, что на них тайно увековечены три сестры, три замечательные личности".

Скорее всего, Марина Черкашина ошиблась: скульптурные изображения сестер Гиппиус расположены не на доме на углу улиц Чайковского и Потемкинской (где находится экономический факультет СПбГУ, а на соседнем доме на углу Чайковского и Захарьевской (скульптурная группа "Три грации").

В интернете можно найти и легенду, связанную со зданием на углу Гангутской улицы и Соляного переулка. Согласно этой легенде, архитектор, восстанавливавший это здание после войны, зашифровал на поминание о погибших здесь людях. На фасаде здания шесть колонн и их продолжают шесть столбов на крыше здания, это сделано, якобы в память о шестистах погибших в находившемся на этом месте бомбоубежище. "Каждая колонна — в память о сотне погибших". (15)

Разумеется, вокруг "тайных памятников" много путаницы, игры воображения и просто "пленной мысли раздраженья". Но в любом случае, это важный элемент городской жизни, придающий городу некое дополнительное измерение. "Городские призраки", как назвал их М. де Серто, населяют город, соединяя ушедших и живущих.

Примечания:

1. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. Т.3. М., 1990. С.372.
2. Ронкин В.Е. На смену декаблям приходят январы... М., 2003.
3. Юдин Н.И. Правда о петербургских "святынях". Л., 1962.
- С.44.
4. Там же, с.60 — 61.
5. Там же, с. 61.
6. Там же, с.118— 119.
7. Там же, с. 113— 114.
8. Слепакова Н.М. Лиловые люпины. СПб., 1999. С.67.
9. Там же, с. 70.
10. Там же, с. 72.
11. Там же, с. 250.
12. Адмони В.Г., Сильман Т.И. Мы вспоминаем. СПб., 1993. С.54.
13. Фонякова Н.Н. Курпин в Петрограде — Ленинграде. Л., 1986. С. 148 -149.
14. Кураев М.М. Питерская Атлантида. СПб., 1999. С.455.
15. См.: Алексей Новиков. Гангутская, 14. Легенда или правда? (www.vk.com/topic-288614_22584169)